

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧЕВ (СКВЕР)

Засака

НЕЛИШНИЙ КИЛОМЕТР

Владимир Ильичев (Сквер)

Засака

«Издательские решения»

Ильичев (Сквер) В.

Засека / В. Ильичев (Сквер) — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-002396-7

«Засека. Нелишний километр» — продолжение авторской темы-2015, дополнительные зарубки о «перечастности» к дымящему, верящему в гаджеты биологическому виду. На планете Земля разлеглась мадам-систетутка, да так, что перешагнуть через неё не просто. Любое касание входит в прайс коммерческих услуг... Поэт из Халтаксании нелишний раз предлагает читателю посмотреть с шаткого настоящего на пока ещё различимое будущее, сопоставить жизненное значение приставок «антропо» и «био». Сделать выбор.

ISBN 978-5-04-002396-7

© Ильичев (Сквер) В.
© Издательские решения

Содержание

Перечастность	6
Гденежный вопрос	7
Система	8
«А рубль вырос при открытии торгов...»	9
Свидетель явного	10
Ещё	11
shitalko/pereword	12
Девка из черни	13
Мы делаем то	14
Сомали	15
Из фри	16
Декотанс	17
Всегда далеко	18
Алковчег	20
Комаравда	22
На бумаге в туавеке	23
Накрапление года	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Засека
Нелишний километр
Владимир Ильичев (Сквер)

© Владимир Ильичев (Сквер), 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Перечастность

Биологический вид...
Который жутко дымит —
палит свиней и собак,
смолит свинец и табак.

Биологический вид...
Который свеж, как Брэд Питт,
и языкаст, как Эйнштейн,
а пародирует... вшей.

И я причастен к нему,
хотя — зачем — не пойму,
я по замуту — другой,
не занят делом-трубой.

Биологический вид...
Который в бронзе отлит,
который с книжных страниц
торгует мимикой лиц.

Биологический вид...
Который в аут летит,
свистя из дырки: «Lets Go!»,
и претендуя на гол.

И я причастен к нему,
хотя себе самому
автоголы забивал —
мой мяч засчитан бывал.

Биологический вид...
Который с прочими спит,
который всех полюбил,
такой — видок-полифил!

Биологический вид...
Мне безразличен ретвит,
и мне не нужен репост,
ведь у меня — передоз.

Я перечастен к тому,
кто видит счастье в дыму
и нагибает весь мир...
Гудбайте в аут, «мессир».

Гденежный вопрос

Однажды некий пьяный шизофреник
придумал, будто можно жить без денег,
и вырвал их из банков и ноздрей —
у тут же задохнувшихся людей.

От подлости такой засохли реки,
не видя больше друга в человеке,
от зла такого вырубился лес...
Но счастья не нашёл и шизик-бес!

Ему пришлось тянуть из денег воздух
(гад быстро понял, жить без них непросто!),
Он деньги начал пить, а вскоре — есть
(нашли подонка истина и месть!)

Купюрка разлеглась — и захотел он
(да так, что линза неба запотела),
в капусте — шизофрёночка нашёл,
(ещё бы, деньги — это хорошо).

«Я понял, я всё понял!» — закричал он.
Вернул носам и банкам их Начало...
Булонский лес воспрял от естества!
Буквально ожила река Москва!

Нормально — дым да жижу — ткут заводы,
к природе, к людям полные заботы!
Свеж воздух и божественна еда!
Ах, деньги, наше будущее... Да?

Система

Хочешь, система, шаблоны порву?
Только что был в приоткрытом я космосе —
гость иноземный свозил на горбу,
вырвав на миг из обрыдлой мне косности.

Ты говорила — там нет ничего,
кроме вселенных, тобой же одобренных.
Да, межпланетье скучно и черно,
но остальное — потешно и бодренько.

Ты говорила — там нет никого!
Я и горбатого счёл исключением...
только подумал, а он — приколот:
«Много в ночи результатов свечения».

И, для примера, заехал к своим —
ладная, кстати, семейка, любезная,
фруктом кормили, не понял, каким,
ну а вода там — обычная, пресная.

Мне горбуны показали весь дом,
полный тепла и уюта саманного.
Где-то шло время, своим чередом,
как я хочу ощутить это заново...

Это не главное. Главное — Глаз,
видящий каждое в жизни движение,
видящий, как ты, мадам, разлеглась,
чтобы губищу катать совершеннее.

Скоро тебе, систетутка, кирдык,
ибо — го... но твоя музыка... помнишь ли?
Ну-ка, закрой свои скотские рты —
кроме просящих о пище и помощи.

Думаешь, мало шаблонов порвал?
Выше — от мига мои впечатления.
Чао, система. Бывай здорова —
лучше сама, до планетолечения.

«А рубль вырос при открытии торгов...»

А рубль вырос при открытии торгов.
А я не знал. Ни о торгах, ни о подвижке.
Пока внезапный Иннокентий Топорков
не разъяснил мне этой очень важной фишки.

Он разъяснил, и предложил играть на всех
скачках валют, сказал, что схемы очевидны.
А я послал его. В одну из тех прорех,
каких по две у утконоса и ехидны.

А он обиделся. Кричал – «Живи в гайне!»
Бросался мылом. Поливать пытался бранью.
А я на жёлтой неподкованной луне
тихонько ехал, и стихи писал. Про Аню.

Потом про маму. Про детей. И про цветы.
Про свежий воздух и серебряные реки.
Опять – про гения чистейшей красоты.
И всё сходилось – безупречно, как в аптеке.

Пропал внезапный Иннокентий Топорков,
ему на мыле разориться – несолидно.
А рубль рухнет при закрытии торгов.
Торги закроются. Навечно. Очевидно.

Свидетель явного

У меня все доказательства
против буквы paraZ.
Судьи, что так – нераскатисто —
про науку и «резет»?

У меня все доказательства,
paraZ – суть паразит,
от него рассветам – задница,
да, терпила-алфавит?

Извините за ругательства,
но без них не полон сказ.
У меня все доказательства,
повторяю в третий раз!

Авокадо, манго, яблони,
от начала до конца —
подписать готовы явное,
за искусство, за истца...

Аксолотли, майны, ящеры —
тоже в теме, я клянусь.
Хватит гнуть животворящее,
судолбали, ваша гнусь!

Разогнёт хребтину творчество —
ухи-ухи словят шах,
промышляди будут корчиться
в опустелых гаражах.

Хватит мямлить. Важно мнение
громогласного судьи,
до грозы – его мгновение,
краткий стук в его груди.

То, к чему вы здесь приучены —
он рассудит, молотком,
от бумажек, вами всученных,
разъярясь... Да будет гром!

Паразит в уме спасается
через щель в запасный век.
У меня все доказательства,
неразумный человек.

Ещё

«Тише едешь – дальше будешь»
Русская пословица

Ещё лизни буйца, река прогресса —
и тем изобрази волны подъём...
Ещё одна благая поэтесса
воспела иссушение твоё.

Ещё один безродный мужичонка
с прокуренно-пропитым голоском —
расчухал, как талантлива печёнка —
когда не под промышленным замком.

Ещё один художник-покупатель —
зелёных красок взял, а красных – нет,
рисунок на подсолнечном Арбате
лучами сбалансирует свой цвет.

Ещё одна воскресшая авоська
пакету рассадила гладкий спрос,
еще одна мутировала моська —
и слон таки с ушами в землю врос.

«Ещё, ещё!» – твой лозунг, прогрессивный,
согласный с перекормленным лещём,
но ты же половодишь – по России,
а значит, и погибнешь – от «ещё».

Лижь, толкай буи, река прогресса,
бурли, изображай волны подъём,
пока с моей подружкой поэтессой
мы медленные реки воспоём...

shitalko/перeword

матрицайтунг суetaйм
цивилярва убилайн
воспитаймеринг мудроу
абсолюди никогоу

спозаранку суeta
в рот пихается eдa
как же в садике х... ёво
больше нету никакого

Девка из черни

Верил бы Клаве, но Клава – стучит,
и допускает при этом ошибки...
Был бы я вправе стукачку учить —
стали бы общими наши пожитки.

Верил бы Моне, но Моня дрожит,
с каждым дрожит покорённо и страстно —
с вором в законе, с пропащим во ржи,
с красным, и с белым, и заново – с красным.

Девка из черни, из грубых чернил,
тесно с тобой на бумажной простынке,
имя – в вечерней заре обронил...
Тесно – тепло. Губы – к имени линки.

Клавы и мони – я буду у них,
общество хочет налога и лиры.
Буду, в поклоне – себя обронив,
вновь сохранив только наши пунктиры.

Не было – было, не чаялось – есть,
сводит простынка пробелы – в полосу.
Высшая выпала нам с тобой честь —
ведать, как нищий латается лоскут.

Мы делаем то

Я думал, что кодекс обычного мага —
бумага, такая же, как
диплом о кончине души некрофага,
подложка под божий бигмак.

А кодекс обычного мага – плотнее
воздушных исчёрканных масс.
Но птичка порхает легко. А под нею
и я, в параллельности нас.

Листаю мыслишки, читать неохота,
что может внизу удивить?
Вчера было – хобби, сегодня – работа:
чуток ненавидя – любить.

И ветер ко мне всё нежнее и строже,
летать – не разделявать птиц...
Пичуга уверена – я осторожен,
но изредка смотрит и вниз.

И, кстати, «летать» – только в пятом разделе —
равно «щекотать высоту».
Мы делаем то, что мы делать хотели,
и будем хотеть... на лету.

Сомали

У меня – по гравёру в столетии каждом,
и в кремле-змейсовете есть люди свои...
Там, где любят Россию менты по бумажкам —
я, как всякий пират, полюбил Сомали!

Полюбил – по водице – догнать кораблишко,
и обчистить до нитки друзей ментовских,
чтобы те и другие сияли не слишком,
чтобы тоже хлебнули супца из тоски —

как придумали третьи друзья для народа,
доедая на завтрак фруктовый салат.
Заигралась ты, кодла – сменилась колода,
паучиха вахтёрша – всё-всё заспала.

Я помог добрым людям, поплакал, что – мало,
и пошёл себе дальше родимой межой.
А шпана мне бока между дел поломала,
растереть бы шпану, да я мальчик – большой.

В сельсовете тусуется верная кобра,
и заметны в грядущем – закладки мои...
А ведь сразу понятно, что мент – это образ,
что в составе России – моя Сомали?

Из фри

Всё состоит из фрикций,
это – железный факт.
Любят принцессок принцы.
С ветром играет флаг.

Сердце любого зверя
рвётся – туда-сюда.
Снова придёт на берег,
снова уйдёт вода.

Ластик залез на принцип —
и заскользил, чудак.
Я же сказал, из фрикций
всё состоит и так.

Встреча, разлука, встреча —
самый продлённый... миг.
Схемка свободы вечна:
крик – полушёпот – крик!

Декотанс

Сначала думай —
потом шагай.
Меня учили.
Я сдал зачёты.
Но свет латунный —
упал за край
в ночи... В ночи ли?
Ты кто? За что ты?..

Я безрассуден.
Стучит мой мозг.
Латунно-красный.
Горящий, жадный.
Кипящей сути
в следах заноз —
по капле грязной.
Как хороша ты...

Прости, что с крыши,
прости за шаг —
прощу за роспись
моих остатков!

...Латунно-рыжий
летит кошак.
Высокий хоспис.
Сезон осадков...

Сначала думай —
потом шагай.
Меня учили.
Я сдал зачёты.
Но свет латунный —
оплавил край.
Врачи... Врачи ли?
Мне колют ноты.

Всегда далеко

Лиса и кот
не виделись три века.
Четыре – века?
Может, целых пять.
Так далеко
Иркузы от Сквебека...
Упало в реку
слово «вдругорядь».

Но чудо есть
в осеннем ноу-хау,
лису похитил
спьяну ураган.
Коту за честь —
поймать идею... Мяу!
О чём гудите?
Выдайте стакан.

И вот, стихи
звучат на высокухне,
внутри событий,
видных всей Земле...

Не засекли...
И снова время – угли,
и съёмный сити —
грусть навеселе.

Ревнует лис,
рычит-ревнует кошка,
и в каждой туче
что-то – от меча.
А гладкий лист
лису назвал – «хорошка»,
хоть кот обучен
скомканным речам...

Она живёт
и слушает сердечко.
Ему живётся —
слушая БГ,
теряя счёт
сверчкам-сачкам за печкой...
Счёт сам собьётся,
чтоб не офигеть.

Лиса и кот
увидятся нескоро,
не очень скоро,
скоро, через миг!
Всегда далеко
желанный взору город...
Два светофора —
если напрямик.

Алковчег

С Машей – портвейн «Агатум»,
с Кирой – коньяк «Стихи»,
с Мирой – горстями фатум
из Фаталист-реки...

Пьяный – в мечтищу, Аньку —
Ленке плеснул «Прости».
Вспомнил чумичку Таньку
в баре «Бэжэ Кати».

Вспомнил чистюльку Юльку
в баре «Кадри Чужэ».
Двинул, на кой-то, к югу,
собственно – в дым уже.

Список такой обширный,
что – от нагрева снов —
аки в аду, за ширмой.
Ширма сторела вновь.

Бабник я, бабы, бабник,
псих, алкоголик, хрон...
Агнец я, бабы, агнец,
мал от меня урон.

Сторож я, бабы, дикий
тёплых сырых пещер.
Тают на коже льдинки,
мал от меня ущерб.

Все вы сейчас – с мужьями,
все вы – всегда со мной.
Плохо. Исправлюсь в яме.
Ноль я. И – бабий Ной.

Каждая баба – чудо...
Каждая баба – тварь...
Всех я вас помнить буду,
всех поселю в букварь

в виде прозрачных рыбок
и беззаботных птах,
ибо – мои вы, ибо —
пью, до сих пор, в мечтах

с Машей – нектар «Агатум»,
с Кирой – отвар «Стихи»,
с Мирой – горстями фатум
из Аметист-реки...

Полно. В мечтищу. Рыщу.
Хрон я. И – бабий Ной.
Пишет букварь и притчу
мой алковчег волной.

Комаравда

Елисей собирал по источникам правду,
сколько мог – приносил её к дому людей,
в доме сразу искали пластиночку в раптор,
потому что противно пищал Елисей...

Он опять улета́л, за спасительной сказкой.
Находил же! На дисках. И что из того?
Бородатые дети смотрели с опаской,
и шептали друг другу, что он – дискобол.

Не имея причин для спортивных занятий,
заползал Елисей в беспокойные сны,
где мычал и ворочался, бредил Замятин —
через пару щелей той же самой стены.

Их обоих заткнули строительной пеной,
их обоих – и много кого по щелям...
Так и держится здание снами вселенной,
а иначе бы явь получила по щам,

а иначе бы – даром что вверены тафту —
чёлки встали бы дыбом на судном ветру.
Комары собирают в источниках правду,
а потом дискобольную мечут икру.

На бумаге в туавеке

Сыпьте, лейте мамке в рот —
порошки, растворы, средства...
Раз она и ест, и пьёт —
сыпьте, лейте, повсеместно!

Мамка... старая Земля —
отдала вам всё на свете.
Как же. Вы — её семья.
Вы — её родные дети!

Отдала вам воздух... лён...
фрукты, овощи, орехи...
каждый божий водоём —
чистый-чистый... в дальнем веке.

Лес, грибы... на пляж — песок...
Всех с ковчег, вместе с Ноем...
«В поле каждый колосок» —
это мамкино... родное.

Вам... Студентам. Технарям.
Практикантам освоений.
Самопроданным за лям
генератору пельменей.

Убивайте, люди, жизнь,
жизнь — кусками в сковородку!
А потом смывайте слизь
мамке в раковину-глотку.

И отстирывайте жир
только мифами с рубашек.
Это ваш «нормальный мир»,
мир д (войны) х стандартов ваших.

Я от вуза — отступил.
Никого не вузбиваю!
И горчицею, дебил,
тарельчонки отмываю...

После фруктов, овощей —
можно мыть и без горчицы.
Во урод. Сварил бы шей!
Человек должен трудицо!

Не, я лучше напылю
вам про мыльные орехи...
Я трудиццо не люблю —
за бумагу в туавекe.

Труд когда-то сделал вас
из счастливых обезьянок.
Парьтесь дальше! Ух-х! Я пас.
Парьтесь дальше! Сыто! Пьяно!

Сыпьте, лейте мамке в рот —
порошки, растворы, средства...
Тоже, типа, ест и пьёт.
Сыпьте, лейте повсеместно!

Накрапление года

Детям Божьи пирожки —
или жадным ботам?
Человек не без башки,
где башка-то? Что там?

Что ты ешь? И что ты пьёшь?
Чем дышать намерен?
Всё, чем ты сейчас живёшь —
значимо, поверь мне!

Отзовётся – каждый шаг,
каждый вдох и выдох.
Заменить не разрешат
битое корыто.

Ты представь, как сто людей,
ботами ведомых —
давят маленьких детей,
худеньких, бездомных...

Но людей – не сто, а шесть
грузных миллиардов,
ты в толпе. А выбор есть —
был бы крап на картах.

Шулер, падла, повернул
мир к тебе – рубашкой.
«Деньги – файни!», «Мясо – кул!»
Схавай, ну, будь няшкой.

Затошнило – ничего,
На тебе – таблетку,
на – шипучий запивон.
Съешь ещё котлетку.

Твой сосед – молчит и ест,
молча запивает.
А про выпечку небес —
даже и не знает.

И забыл, что цвет воды —
посветлее колы.
Да, ребята, вы круты.
Молодцы. Со школы.

Молодцы. Но благодать —
не бабло, не мясо,
злом добро перебодать
шулеры стремятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.